

ПРЕДИСЛОВИЕ

Существует школа философии истории, утверждающая, что вся история — это история современная. При этом имеется в виду не обыкновенное употребление этого слова, подразумевающее под «современной» историю относительно недавнего прошлого, а более философское: речь идет о том, что история прошлого живет в настоящем.¹ С моей точки зрения, оба эти значения — и повседневное, и философское — приложимы к историографии русской революции 1917 г. и к революционному движению, ей предшествовавшему. Первые свидетельства о революции 1917 г. принадлежат современной истории в традиционном смысле этого слова: они были оставлены участниками и очевидцами описываемых событий. Наиболее примечательны среди них Истории русской революции П.Н. Милюкова и Л.Д. Троцкого (1921–23 и 1932 гг. соответственно), «Записки о революции» Н.Н. Суханова (1918–21) и «Русская революция» У.Г. Чемберлина (1935). Эти авторы уже описали в общих чертах, как леворадикальная большевистская партия летом и осенью 1917 г. вышла на передний план политической жизни и свергла Временное правительство. Хотя с тех пор прошли годы и десятилетия, история эта не утратила своей актуальности. Собственно легитимность Советской власти, установившейся в России в результате революции и Гражданской войны, базировалась на представлении о том, что партия большевиков ликвидировала Временное правительство и установила в России социалистическую систему, осуществляя желания трудящихся. После Второй мировой войны Советская Россия, по-прежнему декларировавшая свою приверженность принципам ленинизма, стала сверхдержавой. Соответственно, история партии большевиков, начиная с ее рождения вплоть до революции 1917 г. и дальше, оставалась историей очень современной.

К моменту распада СССР в 1991 г. об этой истории были уже написаны сотни исследований. Их принято было делить на две группы —

те, что написаны советскими авторами, и те, что написаны авторами западными, — и утверждать, что между ними существует принципиальное различие.² Я, однако, не склонен поддерживать эту точку зрения; даже напротив, я думаю, что так дело обстоит только на поверхности. На более глубоком уровне, как мне видится, советские и западные ученые придерживаются одного и того же основного постулата, в соответствии с которым ими писалась одна и та же история. Я называю ее «Великой историей русской революции 1917 года», или просто «Великой историей».³ Ее наиболее характерная черта, сохранявшаяся и у советских, и у западных историков, — уверенность в том, что это была история исключительно большевиков (в западном варианте — история большевиков и лишь отчасти меньшевиков). Постулат, который также разделяли и западные, и советские историки, сводился к следующему: история социалистов-революционеров ни в коей мере не способна объяснить и помочь осмыслить революционные события 1905 и 1917 г. С появлением западной ревизионистской школы в историографии представление о неизбежности победы большевиков, к тому моменту краеугольный камень советского варианта Великой истории, приобрело употребительность и в западной науке. В результате история эсеров была оставлена без всякого внимания.

Однако и в 1905, и в 1917 г. Партия социалистов-революционеров (далее — ПСР) была многочисленной. Соответственно, даже самые поверхностные рассуждения о русской революции, написанные в стиле Великой истории, все-таки включали в себя по крайней мере несколько упоминаний о ПСР. Помимо этого, существовало всего два аспекта, в рамках которых история эсеров могла оказаться включена в Великую историю. Во-первых, это дихотомия победителей и проигравших, в которой большевики были победителями, а социалисты-революционеры — проигравшими. Во-вторых, противопоставление марксистов и народников, в котором большевики являлись марксистами, а эсеры — народниками. Эти представления были положены в основу двух главных работ по истории ПСР. Первая из них — книга Оливера Х. Рэдки «Аграрные противники большевизма» (Oliver H. Radkey, *The Agrarian Foes of Bolshevism*, 1958), имеющая подзаголовок «Взлет и падение русских социал-революционеров в феврале — октябре 1917 года» (*Promise and Default of the Russian Socialist Revolutionaries, February to October 1917*). Как видно из подзаголовка, Рэдки развивает свои рассуждения непосредственно в рамках дихотомии «победители vs. побежденные». Вторая важная работа — исследование Манфреда Хильдермайера «Партия социалистов-революционеров. Агросоциализм и модернизация в царской России (1900–1914)» (Manfred Hildermeier, *Die Sozialrevolutionäre Partei Russlands. Agrarsozialismus und Modernisierung im Zarenreich* (1900–1914)). Автор рассматривает из-

бранный сюжет в рамках противопоставления марксизма народничеству, однако исходной точкой для него все равно оказывается дихотомия победителей и проигравших.

Давайте теперь вернемся в настоящее. Если сравнить ленинскую революцию 1917 г. с современной ей революцией Ататюрка в Турции или даже с революцией Махатмы Ганди в Индии, случившейся несколько позже, станет очевидно: в то время как в Турции и в Индии прошлое действительно присутствует в настоящем, ленинская революция в России уже мертва. Если вся история — это современная история, то лучше всего с нашим днем резонирует именно мир социалистов-революционеров. Поиск демократии в авторитарной политической культуре, использование террора в политических и социальных целях, поддержание существования хрупкого коалиционного правительства, состоящего из разнородных партий, посреди социального хаоса, — все это сегодня так же актуально, как было для эсеров. Соответственно, с моей точки зрения, постленинские и постсоветские исследования русского революционного движения наиболее эффективны в перспективе истории ПСР.

За партией социалистов-революционеров встает грандиозная фигура Виктора Чернова, главного теоретика и одного из лидеров этой партии и в 1905, и в 1917 г., а также одного из самых выдающихся мыслителей русского революционного движения в период с конца 1890-х и вплоть до 1918 г., а в какой-то мере и потом. Летом 1917 г. он был министром сельского хозяйства и продовольствия, одним из главных сторонников стремительного созыва Учредительного собрания в 1917 г. и его председателем в январе 1918 г. Поскольку Чернов играл в свое время столь значительную роль в русской политической и интеллектуальной жизни, любой учебник, излагающий русскую историю 1900–20 гг., упоминает его имя хотя бы раз. В остальном же Чернов остается «без вести пропавшим» в исторических исследованиях. Даже где он в какой момент находился — никто толком не знает. Известно, что он был в Петрограде в 1917 и в начале 1918 г. Потом его видели в 1920-х и 1930-х гг. в Праге, а в 1940-х и в начале 1950-х — в Нью-Йорке. О чем именно идет речь — о его интеллектуальной деятельности, о политике или о его личной жизни — не важно: дела обстоят совершенно одинаково. Нередко искажаются даже такие элементарные факты, как, например, год рождения, который меняется с 1873 г. на 1876 г.

Начиная заниматься Виктором Черновым в середине 1980-х гг. в Хельсинки, я едва представлял себе, что это за человек. Хотя имя Чернова было в свое время известно в России всем, оно оказалось весьма эффективно стерто из коллективной памяти русского народа после захвата власти большевиками. К тому же многочисленные сочинения Чернова были если не уничтожены, то, по крайней мере,

переведены в спецхран советских библиотек. С его произведениями было проще ознакомиться в западных библиотеках, но и там они оказались покрыты слоем пыли; до Чернова действительно никому не было дела. После 1991 г. в России возродился интерес к забытой истории ПСР. Появились книги, статьи, сборники документов, касающиеся партии и самого Чернова, а также его собственные сочинения.

Поскольку история эсеров, с точки зрения Великой истории, была лишь любопытным моментом в истории революционной России, большинство рассуждений о Чернове в книгах историков этого толка велись в том покровительственно-снисходительном стиле, который впервые оформился в «Записках о революции» Н.С. Суханова. Именно от этого стиля я и стремился уйти. Соответственно, я пытался относиться к фигуре Чернова серьезно. Моей целью не было ни судить его, ни покровительствовать ему, ни морализировать по его поводу, ни писать его апологию. Я намеревался просто проанализировать его, его деятельность и его идеи. Чернов однажды написал: «Мое самоощущение таково: я прежде всего чувствую себя человеком, а потом уж — русским»,⁴ — так я к нему и относился. Главным центром моего исследования стал Чернов как человек и как личность. Каковы бы ни были другие аспекты темы, получившие освещение в этом исследовании (Чернов как народник, социалист, террорист, мыслитель или эмигрант), они рассматривались лишь в той мере, в которой могут что-то добавить к нашему представлению о его личности, а не о его роли. На этом фоне я пытался установить ключевые факты личной, политической и интеллектуальной жизни Чернова. В качестве результата я надеюсь представить более цельное понимание того, о ком мы говорим, рассуждая о Чернове, и через это — новое понимание революционного 1917 года.